

Николай Лесков

Загадочный человек

Николай Лесков
Загадочный человек

«Public Domain»

1872

Лесков Н. С.

Загадочный человек / Н. С. Лесков — «Public Domain»,
1872

Содержание

Истинное событие	5
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	12
Глава пятая	13
Глава шестая	14
Глава седьмая	16
Глава восьмая	17
Глава девятая	19
Глава десятая	21
Глава одиннадцатая	22
Глава двенадцатая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николай Лесков

Загадочный человек

Истинное событие

С письмом Н. С. Лескова к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1871 г.)

Милостивый государь, Иван Сергеевич!

Я, весьма вероятно, не решился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса в защиту молодого человека, злополучные приключения которого здесь рассказаны. Ваш почин в этом деле дал мне мысль и возможность несколько подробнее опровергнуть злостные клеветы, преследовавшие Артура Бенни при его жизни и не пощадившие его в некрологе, напечатанном после его смерти. Мне не раз приходилось в настоящем рассказе упоминать Ваше почтенное имя, так как Вашими добрыми мнениями о Бенни я старался подкреплять свое собственное мнение о нем, и потому первому Вам посылаю эту книгу с просьбою принять ее. Чтобы сделать эту повесть возможно полною, я, при нынешнем ее издании, воспользовался Вашими указаниями на прежние промахи и ошибки в моем рассказе и дополнил кое-что с Ваших слов и со слов П. Д. Боборыкина, а равно присовокупил некоторые подробности о кончине Бенни, напечатанные в трех номерах периодического издания г-жою Якоби. Таким образом в этой книжке теперь собрано почти все, касающееся того «загадочного человека», который, при неизвестности своего происхождения и отсутствии выдающихся и крупных дарований, приобрел себе у нас самую разнообразную известность в самых разнородных кружках и которого потом неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого с таким успехом, какого, к сожалению, не достигают попытки установить настоящий взгляд на Бенни. Но тем не менее, делая еще одну и последнюю такую попытку, названную Вами в почтенном письме Вашем ко мне «делом хорошим и честным», я утешаюсь хоть тем, что отныне клевете, до сих пор с непостижимой упорностью не забывающей Артура Бенни, уже придется иметь против себя печатное свидетельство четырех человек, то есть Ваше, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившего мне свое намерение не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу наглядный образец, чем оно увлекается то в ту, то в другую сторону и как у нас, благодаря шаткости общественного мнения, составлялись и составляются репутации.

Есть люди, которые смотрят на напечатание моих воспоминаний о Бенни совсем не так, как взглянули на это Вы и другие почтенные лица, сочувствие и одобрение которых мне приятно и дорого. Нашлись господа, которым хотелось бы, чтобы Артур Бенни остался в том самом убранстве, в которое они его снарядили, сваливая всякую дрянь с больной головы на здоровую. Я получал не только укоризны, но даже угрозы не продолжать этой истории, но я ее продолжил, окончил и издаю в свет отдельною книгою, предоставляя кому угодно видеть в этом прямой ответ мой на все заявленные мне неудовольствия, а Вам я тут же, на первой странице этой книги, позволяю себе принести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мне Вашими строками, утвердив меня во мнении, что моя попытка восстановить истину в этой запутанной истории есть дело честное, к которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще раз прошу Вас, принимая книгу, посылаемую при настоящих строках, принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и уверение в моих почтительнейших к Вам чувствах, с каковыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

*Николай Лесков.
С.-Петербург, июнь 1871 г.*

Глава первая

Повествователи и романисты одного довольно странного литературного направления долго рассказывали о каких-то непоседливых людях, которые всё будто уезжали из Петербурга в глубь России и делали там какие-то «предприятия»; но, к сожалению, ни один из писателей этого одностороннего направления не воспроизвел сколько-нибудь осязательного типа упомянутых им предпринимателей, и тайна, в чем именно заключаются так называемые их «предприятия», остается для всех до такой степени тайною, что множество людей даже сомневаются в том, были ли в действительности самые предприниматели? Между тем, несомненно, что «предприниматели» такие – не совсем выдумка. Предприниматели действительно бывали, и вот один из таковых, не сочиненный и не измышленный, а живой, с настоящим его именем и в настоящем его свете и значении.

В 1870 г. в «Иллюстрированной газете» г. В. Зотова было напечатано известие о смерти некоего *Артура Бенни*, человека, приобретшего себе некогда в некоторых петербургских и московских кружках самую быструю и странную известность. Он слыл то за герценовского эmissара и предпринимателя, то за англичанина и тайного агента одного из административных русских учреждений.

Газетное известие о смерти этого человека слово в слово заключается в следующем: «Скончался Бенни, английский подданный, высланный за границу (России) по определению правительствующего сената. Владея хорошо русским языком, Бенни участвовал в некоторых наших периодических изданиях: „Русской речи“, „Северной пчеле“, „Книжном вестнике“. О нем ходило много толков, так как никто не знал, зачем он прибыл в Россию. Некоторые из этих толков были неблагоприятны для него. В последнюю Римскую кампанию он поступил в отряд гарибальдийцев и убит при Ментане».

Иван Сергеевич Тургенев, знавший покойного Бенни за человека честного, вступился за оскорбление его памяти намеком, кинутым на нее упоминанием о тех толках, которые, по словам некролога, «были неблагоприятны для Бенни», и напечатал в другой газете, что покойный Бенни был человек чистый и неповинный в том, что столь недостойно на него возводилось.

Вот и все краткое сказание о жизни и смерти человека, деятельность которого в России не лишена самого живого интереса и лучше всякого вымышленного направленного романа знакомит нас с характерами деятелей недавно минувшего, беспокойного и оригинального времени. Но, прежде чем мы дойдем до того рода деятельности Артура Бенни, которая давала повод досужим людям выдавать его то за герценовского эmissара, то за шпиона, скажем два слова о том, кто таков был вправду этот Бенни, откуда он взялся на петербургскую арену и какими путями доходил он до избрания себе той карьеры, которою сделался известен в самых разнообразных кружках русской северной столицы.

Все, что далее будет следовать за сим, изложено частью по личным воспоминаниям автора и свидетельствам других, вполне достоверных очевидцев, частью же по рассказам самого покойного Бенни, с которым автор состоял в долгих и прочных дружеских отношениях, не прекращавшихся до высылки Бенни из России. Автор не скрывает, что, печатая, может быть, несколько рано этот свой очерк, он имеет желание очистить честную память Бенни от возведенных на него злостных и бесчестных клевет. Автор просит верить ему, что он не вынужден для оправданий Бенни прибегать ни к каким утайкам и натяжкам, да это было бы и невозможно, потому что в литературных кружках Петербурга и Москвы теперь еще слишком много живых людей, которым история покойного Бенни известна, если не во всем целом, как она здесь излагается, то по деталям, из которых сгруппировано это целое. Ни лжи, ни лести здесь нет, да их и не нужно: пусть где Бенни был ребячлив и смешон, пусть

он там таким и останется, дело не в его ребячливости или его серьезности, даже и не в его уме, а в его честности и отчасти в занимательности и поучительности его странной судьбы.

Глава вторая

Артур Бенни убит в самой цветущей молодости. Ему и теперь не было бы еще двадцати восьми лет.¹ Некоторые в Петербурге утверждали, что имя «Артур Бенни» – есть имя вымышленное и что человек, который жил здесь, между нас, под этим именем, есть *подольский шляхтич Бениславский*: это выпустил в Петербурге покойный г-н Европеус, но это неправда. Артур Бенни *действительно был Артур Бенни*. Он родился в Царстве Польском, в местечке Томашове-Равском, где отец его, Иоганн Бенни, был пастором томашовского евангелического прихода. Старик Бенни пользовался прекрасною репутациею и умер в 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло в свет это правдивое повествование. У Артура Бенни остались также братья: старший Герман (впоследствии томашовский пастор), и младший, Карл (медик, обучавшийся в Париже и ныне практикующий в Варшаве). Кроме этих двух братьев у него живы две сестры – Анна и Мария. Все это настоящие члены настоящего, а не вымышленного, и весьма почтенного семейства покойного томашовского пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило в Польше, дом Бенни оставался всегда домом английским; их домашние нравы, обычаи – все это было чисто английское, и английский язык был их домашним языком. Десятилетним мальчиком Артур Бенни был отведен в польскую гимназию, в город Пиотрков, и поступил прямо в третий класс. Это был первый выход Артура Бенни из дома своего отца – из того дома, в котором он, живучи в Польше, мог гораздо удобнее воображать себя римлянином, афинянином или спартанцем, чем поляком, ибо воспитанный отцом своим, большим классиком, Артур Бенни о Риме, Спарте и Афинах знал в это время гораздо больше, чем о Польше. По рассказам покойного Бенни (которых он никогда не давал повода заподозреть ни в малейшей несправедливости), он в доме отца своего совсем не знал польского характера, а придя в соприкосновение с своими польскими сверстниками в пиотрковской гимназии, не умел ни на чем сойтись с ними и с первого же раза *не полюбил их*.

– Я, – говорил Бенни, – услышал от этих детей ложь, хвастовство и льстивость, которых я никогда не слышал в доме отца моего, где никто никогда не лгал и не лукавил. Притом у них бывали часто такие бесстыдные разговоры, что это мне было противно. А более же всего я решительно не мог выносить высокомерного и презрительного отношения этих мальчиков к простолюдинам и особенно к их собственным слугам, с которыми у нас в доме всегда было принято обращение самое мягкое.

Бенни был ребенок очень нежный, впечатлительный и способный увлекаться до бесконечности. В то самое время, когда им овладевало негодование на своих товарищей-мальчиков за их высокомерие с простолюдинами, рядом с этим в его нежную душу западало безграничное сожаление к самим этим простолюдинам, которые силою обстоятельств поставлены были в необходимость переносить господское высокомерие. Что это за сила обстоятельств? – рабство и бедность, – бедность рабства и рабство бедности. (Так решило себе дитя.) Кто же создал такое положение? Для кого оно выгодно? Для кого оно нужно? Кто может желать его сохранения? Виновниками такого положения выходили, разумеется, помещики и вообще капиталисты. Нежное и восприимчивое дитя, дойдя путем своих размышлений до такого решения, нашло в своем детском сердце для людей, создавших такое положение другим людям, место непримиримой вражде, и с тех пор в ребенке росли все необходимые задатки для того, чтобы из него под известными влияниями со временем мог создаться настоящий, искренний и ревностный демократ и социалист.

¹ Писано в начале 1870 года. (Прим. Лескова.).

Обстоятельства этому благоприятствовали.

Глава третья

В то самое время, когда Артур Бенни, соболезнуя своим отроческим сердцем о неравномерности распределения на земле прав и богатств, ломая себе голову над изобретением таких форм общежития, при которых бы возмущавшая его неравномерность не могла иметь места, – в Польше стояло много русских войск, и один полк или один отряд их был расположен в Пиотркове. Несколько солдат из этого отряда квартировали в том самом доме, где жил ученик Артур Бенни. Случилось так, что когда он, вообще чуждавшийся в то время своих товарищей, сидел однажды на дворе, где играли его сверстники, на этот же двор выполз подышать воздухом какой-то больной русский солдат и лег на солнышке, на куче сваленных на дворе бревен. Расшалившиеся польские мальчишки, товарищи Бенни, заметив обессиленного, больного русского солдата, стали кидать в него мячом. Мальчишки делали это как будто ненарочно; но Бенни знал, что они это делают с умыслом, чтобы досаждать больному. Благовоспитанному сыну томашовского пастора такой поступок представился крайне неблагородным. Бенни не вытерпел и сказал товарищам, что они поступают дурно и «не по-рыцарски». Мальчишки отвечали ему, что он сам уж «*za nadto guserz*» (чересчур рыцарь), что он, как поляк, не должен поступать по-рыцарски с москалем.

– А я, – рассказывал, смеясь, Бенни, – полный в то время прочитанных мною повестей о славных рыцарях и великих людях древних и новых времен, всегда поставлял себе задачею подражать этим людям. У нас, в нашем томашовском саду, были и свои замки, и свои рыцарские уставы, и все мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнув дорожить «рыцарством», я вспылал, что будто можно быть «рыцарем чересчур». Мне этот солдат, из-за которого началось дело, конечно, был совсем чужой человек по всему; но тут я вдруг просто полюбил его. «Москаль не стоит сожаления»... Мне сейчас же припомнилась известная американка, которая сказала, что если хотя три человека будут осуждены на вечное мучение в аду, то она будет просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя от гнева, ответил, что если, будучи поляком, нельзя быть рыцарем, то я лучше не хочу быть и поляком...

– Впрочем, – продолжал Бенни, – я и успокоясь не чувствовал особенной опрометчивости в этом ответе. После мне только было досадно, что я оскорбил национальное чувство моих товарищей, но сам для себя я не чувствовал никакой неловкости от того, что отрекся быть поляком. Я, напротив, был очень рад почувствовать после этой сцены, что я не имею решительно никаких национальных пристрастий и что у меня *нет никакого отечества* – что для меня просто милы и дороги люди, – что я люблю все скорбящее и бедствующее человечество.

Таким образом, юный демократ и социалист отыскал в себе и еще одно новое свойство, пригодное для воспитания в нем совершеннейших социалистических симпатий: он был *космополит*, и (что всего реже) Бенни был космополит самый искренний, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитом? Отец Бенни (известный гебраист) жил в земле чужой, и родство у Бенни по мужской линии было еврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, где ей довелось жить; он сам родился в Польше, стране, подвластной России и ненавидящей ее, – какое, в самом деле, могло быть отечество у такого, так сказать, беспочвенного гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданином вселенной*, – он так себя и чувствовал.

Глава четвертая

Усвоив себе эти чувства, Бенни не стал скрывать их от своих польских товарищей и, в доказательство своего равнодушия к патриотической польской нетерпимости, часто ходил беседовать с квартировавшими с ним на одном дворе русскими солдатами. От одного из этих солдат он узнал, что в России есть такая вещь, как *общинное владение землею* у вольных крестьян. Бенни это поразило! Та форма общежития, о которой он мечтал и которую собирался отыскивать, была уже открыта, и притом открыта простыми людьми, и людьми той национальности, которую вокруг него все не уважали, называли варварскою и всячески ее порочили и осуждали. За что же осуждать такой народ, который любит и удерживает такие, как находил мальчик, беспримерно хорошие учреждения? Бенни, напротив, почувствовал с этого времени симпатию к России и весь предался изучению русского языка и русской истории.

– В классе надо мною за это смеялись, – говорил покойник, – и даже строго осуждали мое внимание к России; но дома, приезжая на каникулы, я весь отдавался моему любимому чтению об этой стране с таким восхитительным земельным устройством.

Таким образом, при непрерывном чтении, Бенни дочитался до более ясных определений русской круговой поруки, общины и артели (которыми, здесь можно кстати сказать, покойный всегда бредил, идеализировал их и никогда не понимал их как следует).

– Не знаю, – говорил Бенни, – и не помню, что за критический взгляд проводился на эти формы русской жизни теми заграничными писателями, у которых я все это вычитал; но помню, что и артель, и община, и круговая порука мне нравились все более и более, и я, с одной стороны, сгорал нетерпением увидеть, как живут люди в общине и в артели, а с другой – приходил в отчаяние, как честные люди всего мира не видят преимуществ такого устройства перед всякими иными организациями? Я был твердо убежден, что русская община со временем будет понята и усвоена всем миром, и тогда на свете будет конец пролетариату. Я решил и всегда потом чувствовал, что отсюда начнется исполнение пророчества Иезекииля о приближении времени, когда «все мечи раскуют на орала». «*Жизнь мою*, – говорил Бенни, – *я тогда же определил положить за успех этой задачи*».

Все это так и осталось вечною его задачею, к осуществлению которой он постоянно рвался горячо, искренно, со всем пылом настоящего фанатика и со всею бестактною юного теоретика.

Глава пятая

Артур Бенни окончил гимназический курс очень рано, чуть ли не пятнадцати лет, и был послан для продолжения своего образования в Англию, под надзор одного из братьев своей матери. В Лондоне он доучился и потом поступил в английскую службу инженером, в вульвичский арсенал.

– Мне жилось бы прекрасно, – говорил Бенни, – если бы для меня *«прекрасно»* выразилось в том, что у меня есть все нужное, а впереди – ровная, хорошая служебная карьера; но такая жизнь была далека от моего идеала жизни.

Русские симпатии Бенни повлекли его в Лондоне к сближению с тогдашним лондонским русским революционным кружком. Бенни познакомился с покойным Александром Ивановичем Герценом (Искандером), с Бакуниным, с Огаревым, с возвратившимся после на родину и писавшим свои покаяния эмигрантом Василием Ивановичем Кельсиевым и со многими другими революционными людьми, группировавшимися в то время в Лондоне вокруг Герцена. В доме Герцена Бенни был принят přátельски и, кроме того, давал некоторое время какие-то уроки дочери покойного Герцена, Ольге Александровне, – кажется, он учил эту молодую девушку языкам, так как он, при хорошем общем классическом образовании, был большой и довольно просвещенный лингвист. О том же, как он должен был казаться приятным детям, нечего и говорить, так как это был человек образцовой мягкости, благовоспитанный, нежный, честный, много начитанный, беззаветно веселый и бесповоротно самоотверженный. Одним словом, герой для самого восторженнейшего романа!

Сближение юного, пылкого и решительного Артура Бенни с герценовским кружком имело решительное влияние на позднейшие судьбы пылкого юноши.

Следует не забывать, что все то, о чем мы рассказываем, для Бенни возымело свое начало еще в эпоху бывшего в России крепостного права, которому хотя тогда и наступили уже последние дни, но кончине которого даже и здесь, в России, еще плохо верилось. В Лондоне же тогда всевластно господствовало убеждение, что единственный путь спасения России от крепостного права, злосудия и произвола есть социально-демократический переворот, а переворот этот надо произвести посредством народного восстания против правительства и при этом порешить помещиков. Одним словом – это относится еще к поре столь памятного, хотя совсем не беспристрастно растолкованного герценовского воззвания: «К топорам!»

Глава шестая

Так как вся революция, которая считалась иными тогдашними нашими политиками столь необходимою и сбыточною и замышлялась будто бы на пользу тех великих форм русской народной жизни, в которые был сентиментально влюблен и о которых мечтал и грезил Артур Бенни, то он, как боевой конь, ждал только призыва, куда бы ему броситься, чтобы умирать за народную общинную и артельную Россию, в борьбе ее с Россией дворянскою и монархическою. В Лондоне же, из тамошних русских революционных людей, настоящих охотников столь рьяно и безрассчетно искать смерти за мужицкую Русь не находилось, или, по крайней мере, они не выступали. Тогда еще только *говорили*, а ничего *не делали*. (Поездки в Норвегию Герцена-сына и Бакунина, равно как и приезд в Россию Василья Кельсиева с паспортом турецкого подданного Янини – все это дела дней позднейших.) В то же время, которого это касается, опять повторяю, в Лондоне *только говорили* о революциях *да писали*, а к делам вовсе не приступали. Нетерпеливого юношу Бенни это чрезвычайно огорчало: он становился беспокоен, назойлив, рвался и напрашивался на дело. Он вообще был не из говорунов и фразерства терпеть не мог, а потому, чтобы избавиться от его порывов к делу, его непременно надо было или пускать в ход, или скорее вовсе с рук спустить. Можно полагать, что Бенни своею пылкостью и назойливостью начал надоедать своим русским лондонским друзьям, но сам он, тогда нетерпеливо ожидая похода на Россию, ничего этого не замечал. Он только томился перед вопросами: «когда же?» и «скоро ли?» Но те, к кому приступал он с этими вопросами, спешили потихоньку и только ораторствовали в интимных беседах и на больших выходах. Эта медлительность и равнодушие лондонских революционных зачинщиков повергала Бенни в отчаяние. Он тем больше кипятился, что в это время в России правительство уже освободило крестьян с земельными наделами, задумало дать гласный суд и ввести другие реформы, при которых доказывать русским людям настоятельную необходимость революции становилось день ото дня все труднее и труднее. В это время, как нарочно и как на горе Бенни, подвернулся следующий незначительный случай. Один русский сибирский купец прибыл по своим торговым делам в Лондон. (Имя его – секрет Полишинеля.) Проездом через Париж он там схороводился кое с кем из русских распространителей «Колокола», разболтался с ними, разлиберальничался и, столкнувшись потом с ними в Лондоне, где они желали представиться Герцену, он и сам ощутил в себе потребность исполнить эту церемонию. Представившись Герцену, заезжий сибиряк познакомился через него с прочими людьми лондонской революционной семьи, собиравшейся у Герцена при его больших выходах. В числе этих новых знакомств сибирского гостя оказался и Артур Бенни. Увлечшись заманчивостью своего нового положения и находясь под обаянием ласк самого Герцена (чем тогда дорожили и не такие люди), сибирский купец на время позабыл, что он приехал в Лондон, как говорится, «по своим делам», а вовсе не для того, чтобы вертеться около г-на Герцена. Он начал добродушно лисить перед всеми людьми герценовского кружка и, с свойственною русскому человеку лукавинкою, сейчас смекнул, как ему здесь держать себя, чтобы на него глядели получше. Он стал говорить, что прибыл в Лондон именно с тем единственно, чтобы завязать здесь с самим Александром Ивановичем и с его верными людьми хорошие и прочные связи на жизнь и на смерть и затем, уехав в Сибирь, служить оттуда, из дома, тому самому делу, которому они служат здесь, в Лондоне. «Дескать, поручите мне что вам угодно: перепечатывать ли там, в Сибири, герценовский „Колокол“, – будем „Колокол“ перепечатывать; или издавать прокламации, каких потребуют обстоятельства, и на это, говорит, готов: прокламации будем издавать».

Одним словом, готов человек вести в Сибири социально-демократическую пропаганду и рыть подкопы против существующего правительства, которое (как тогда было решено)

освободило крестьян скверно и само ничего не способно разрешить удовлетворительно и сообразно с выгодами народа.

В Лондоне предпочли всему одобрить перепечатку «Колокола» и распространение его в Сибири. Сибиряк с полною готовностью взялся и за то и за другое и заверял, что Сибирь непременно очень скоро взбунтуется.

Одного сибирскому социалисту якобы недоставало: грамотного, представительного и смелого человека, который бы взял на себя труд по затеянной перепечатке в Сибири «Колокола». Купец, раскинув здравым умом, вероятно рассчитывал, что охотника взяться за такое дело в Сибири, в числе живущих в Лондоне людей, конечно, не найдется ни одного, и он только повздыхает перед лондонцами своими гражданскими вздохами, что «вот все бы де так; я на все готов, но людей нет», да все тем и покончится.

«Так, мол, это господь милосердый и пронесет, и вернемся мы опять к своим делам, и станем жить да поживать, да добро наживать. Надую, мол, всех вас в одно слово, да и только».

Но не тут-то было: купец промахнулся. Он все соображал, прикидывая всех на масштаб тех революционеров, каких ему случалось видеть в России и частью в Париже, а не знал, какие антики водятся в Лондоне.

На этом его бог и попутал.

Глава седьмая

Не успел купец попечаловаться, что он не имеет человека для перепечатывания в Сибири «Колокола», как ему сейчас же с оника был предложен для этого дела человек, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россию. Человек этот был Артур Бенни.

Купцу-социалисту, захваченному такою напастью врасплох, в Лондоне некуда было от этого попятиться. Он увидал, что попался очень крепко, но тотчас же понял, что отпираться ему неловко и что, пока он здесь, в Лондоне, ему надо себя выдержать. Он решился принять предложенного ему революционного агента и провезть его с собою в Россию в качестве инженера, нужного будто бы для его сибирских фабрик и заводов. Артур Бенни торжествовал. Он радостно прощался с Англиею и оставлял без малейшего сожаления свое место при вульвичском арсенале, где он получал около 500 фунтов жалованья (по позднему курсу около 5000 рублей серебром на наши деньги). Артур Бенни достал себе английский паспорт, в котором значился *«натурализованным английским субъектом»*, и снарядился в путь с своим русским принципалом в Россию.

Купец отплывал с Бенни совершенно спокойно, потому что у него уже был столько же простой, сколько оригинальный и верный план, как ему развязаться и с транспортируемым им революционером и со всею задуманною в Лондоне революцией в Сибири.

Перевалившись на континент Европы, сибиряк, которому приснастили Артура Бенни, тотчас же несколько попустил с своих плеч революционную хламиду. Прежде всего во Франции он захотел, что называется, «пожуйровать своею жизнию». Девственный Бенни был для этого самый плохой компаньон: он не любил и даже не выносил вида никаких оргий, сам почти ничего не пил, в играх никаких не участвовал, легких отношений к женщинам со стороны порядочных людей даже не допускал, а сам и вовсе не знал плотского греха и считал этот грех большим преступлением нравственности (Артур Бенни был *девственник*, – это известно многим близко знавшим его лицам и между прочим одному уважаемому и ныне весьма известному петербургскому врачу, г-ну Т-му, пользовавшему Бенни от тяжелых и опасных болезней, причина которых лежала в его *девственности*, боровшейся с пламенным темпераментом его пылкой, почти жгучей натуры). Купцу же, в свою очередь, не нравилось такое целомудрие, и он без церемонии говорил Бенни:

– Экой же ты, брат, шут, что не знаешь ты самого хорошего, без чего жить нельзя! Ты примеряйся, а то мы таких не любим.

Артур Бенни, дорожа своим русским революционером, скрепя сердце, отшучивался, нраву его не препятствовал, и заочевали они с ним из столицы в столицу Европы.

Глава восьмая

Купец распился и безобразничал, – Бенни смотрел с отвращением на его дикие оргии, но все терпел. Переносясь из страны в страну, купец даже нашел средство извлекать себе из следовавшего за ним Бенни изрядную пользу. Он отпустил в Париже своего наемного переводчика, которого до сей поры возил с собою, и обратил в переводчика Бенни, разумеется, без всякого ему за это вознаграждения.

Купец не спешил в Россию, а Бенни, следуя за ним, прокатал почти все свои небольшие деньги и все только удивлялся, что это за странный закал в этом русском революционере? Все он только ест, пьет, мечет банки, режет штоссы, раздевает и одевает лореток и только между делом иногда вспомнит про революцию, да и то вспомнит для шутки: «А что, мол, скажешь, как, милый барин, наша революция!»

Будь на месте Артура Бенни спутником этого сибирского купца какой хотите не совсем бестолковый человек, не напигованный и не наученный лондонскими знатоками русского народа видеть в каждой наглости, грубости и глупости простого русского человека черту особых, одному русскому простолюдину свойственных, высоких качеств, этот человек давно бы увидел, что его дурачит дурак и бросил бы этого дурака посреди его дороги. Но Бенни уже так было наказано, что революционнее русского раскольника нет никого в мире и что как он, этот раскольник, по своей непосредственности, ни чуди и ни юродствуй, а уже против него никто не постоит ни в уме, ни в твердости, ни в рассудке. В то наивное время так верили и не в одном Лондоне. Так точно верил и простодушный Бенни и все терпел от своего безобразника; но, наконец, купцу надоело разъезжать да пьянствовать; подходило время ехать домой. На пути в Россию ему оставался один немецкий Берлин; нужно было только взять на железной дороге сквозной билет в Россию, и переводчик с иностранных языков купцу больше не нужен. Купец взглянул на Бенни и решил, что уже тут пора ему с ним и кончить.

– Думал было я его сбросить где попало по дороге, – рассуждал сибиряк, – да поманулося мне, что он на все языки знает, и завез его вот как далеко.

Тогда сибирский социалист, много не обинуясь с Бенни, сказал ему: «Куда же это мы теперь с тобою, милый барин, подъехали?»

– Мы в Пруссии, – отвечал Бенни.

– Знаю, что в Пруссии, да кой нас, прости господи, лукавый вместе сюда занес? Ведь из самой из этой Пруссии летят к нам гусии нашу пшеницу клевать.

– А что? – спросил удивленный Бенни.

– Да ведь говорю же тебе что. Да еще вон я теперь вспомнил, что их король-то с нашим государем и посейчас в родстве!

Изумленный Бенни смотрел на своего спутника, недоумевая, что он хочет этим сказать, и, наконец, спросил его, что же такое из этого следует, что прусский король в родстве с русским государем?

– А то следует, – отвечал купец, – что ехал бы ты теперь, немчик, отсюда назад.

– Как назад? – спросил с удивлением произведенный в немчики Бенни.

– А так, что ведь тебе у нас по-настоящему делать совсем нечего: я с тобою не поеду, да и всего этого, что я вам говорил, ничего не будет, – объявил он Бенни и добавил, что все, что он там, в Лондоне, рассказывал, то это было как во сне, и он сам ничего этого теперь не вспомнит.

– А к тому же, – говорит, – мы и сами в своем месте не последние капиталисты, и нас-де и хорошие люди, благодаря бога, не за пустых людей почитают, да есть, мол, у меня и жена, и дети; ну, одним словом, не хочу делать революцию да и все тут, и ступай, немчик, назад.

Бенни стал уговаривать купца, чтобы он хоть только к своим делам его в Сибирь взял.

– Нет, и этого, – говорит, – душа моя, никак невозможно: потому у меня братья – простецы, необразованные; им этих наших с тобою политических делов ни за что не понять... Нет, и не собирайся, ни за что нельзя.

Бенни пустился уговаривать его, что никаких политических предприятий в их доме не разовьет, что он только хочет взглянуть на Сибирь и познакомиться с нею; но сибиряк стал на своем, что и этого нельзя, да и не стоит.

– Чего ее, – говорит, – и смотреть, Сибирь-то? Ее у нас только поневоле, за наказание смотрят, сторона ссыльная да глухая, а у меня опять тоже и матушка с батюшкою такие же люди старозаконные; а ты, кто тебя знает, какой веры; они с тобою за стол не сядут, а там еще, помилуй бог, что откроется... Нет.

В общем выводе выходит опять: «Ступай, немчик, назад, да и все тут».

– Въедемте же, по крайней мере, хоть вместе в Россию? – уговаривал его Бенни; но купец и от этого отказался и самым решительным образом запротестовал против того, что Бенни везет на себе множество листов «Колокола», с которыми его могут поймать на границе.

– Но ведь это все только меня будет касаться, а не вас, – отвечал агитатор.

– «Не вас», – отозвался купец. – Ага! вы ведь думаете, что у нас небось, как у прочих, как в Англии, слабости в начальстве-то. Нет-с, у нас на это честно: у нас как прижучат, так вы тогда и про меня скажете. А мы с вами давай лучше добром здесь расстанемся; вот почеломкаемся, да и бывайте здоровы. Ей-богу, так лучше.

Бенни посмотрел на своего партнера и холодно отвечал ему, что ему нет дела до его соображений и что он все-таки поедет в Россию.

– Да вы, пожалуй, если охота пропадать, так и поезжайте, – говорил купец. – Только вместе нам ехать не надо; а то поезжайте.

Бенни еще суше заметил, что он поедет когда захочет.

– А ну, если вы от меня тут добром не отстанете и поедете вместе со мною, – зарешил купец, – так я – вот рука отсохни – как на границу взъеду, сейчас и укажу, чтобы вас обыскали.

Бенни понял все значение этой угрозы и отстал от своего политического русского единомышленника в Берлине.

– После отхода поезда, с которым уехал мой купец, – говорил Бенни, – я, признаюсь, долго думал: зачем же этот человек взманивал меня, зачем он меня вез и что это такое он теперь сделал? Я ничего этого не мог себе разрешить и чувствовал только, что, вероятно, еще ни один революционер в мире не был поставлен в такое смешное, глупое и досадное положение, в какое поставлен был я. Я был жалок самому себе и самого себя ненавидел; но возвращаться не хотел. Меня словно что-то роковое неодолимо тянуло в Россию.

Возвращаться назад, в Лондон, Бенни, кроме того, казалось чрезвычайно смешным и даже невозможным, да и к тому же, как сказано, он хотел видеть Россию. Теперь посмотреть Россию ему казалось даже еще необходимее, потому что ему хотелось удостовериться: много ли в России сибирских купцов, вроде его дорожного спутника, и познакомиться с теми лучшими петербургскими людьми, из которых он с одними встречался у Герцена, а о других много слышал как о людях развитых, серьезных, умных и держащих в своих руках все нити русской социально-демократической революции. Стало быть, стоит доехать в Петербург, сойтись с этими людьми, и снова можно попасть другим путем в то же самое дело. Бенни так решил и с остатками своих деньжонок махнул из Берлина в Россию участвовать в здешней социально-демократической революции.

Глава девятая

Люди, к которым Бенни явился в Петербурге, спервоначала очень обрадовались такому гостю. Свел Бенни с этой партией некто умерший под арестом в крепости акцизный чиновник Ничипоренко, а к Ничипоренке Бенни явился потому, что знал об этом жалком и в то же время роковом человеке от В. И. Кельсиева, с которым Ничипоренко был товарищ по воспитанию в петербургском коммерческом училище и поддерживал перепискою с ним непрерывные сношения. Здешние молодцы (теперь уже одни старцы, а другие покойники), с которыми Ничипоренко свел Бенни, приютили его и без меры радовались, что к ним прибыл *«герценовский эмиссар»*. Другого имени Бенни не было, и отсюда он так и пошел *герценовским послом*, пока потом теми же самыми людьми был объявлен *шпионом*.

Бенни до самой последней минуты утверждал, что он никогда и нигде не выдавал себя за герценовского посла, и не знает, кто *первый* выпустил этот слух; но с другой стороны утверждалось, что он будто когда-то называл себя этим титулом, и это было поводом ко многим неприятностям для горячего и легкомысленного юноши (Бенни впоследствии два раза писал Герцену и просил его вступить за него и оправдать его, но Герцен этого не сделал. Почему? Бенни говорил, что Герцен не хотел нарушать согласия в здешних кружках, и это было источником многих горестнейших для Бенни минут).

Но вот и здесь, в Петербурге, с Бенни открылась та же забота, что была с ним в Лондоне: эмиссару надо дать занятие, достойное герценовского посла: надо было показать ему, что вся русская революция, о которой тогда били тревогу за границу, тут уже совсем на мази, что все здесь и ключом кипит, и огнем горит, и что еще денек-другой, да и *«завтра бой»*. А между тем дел-то, собственно говоря, как известно, не было почато никаких, да и никто не знал, как их еще и починают. Знали, что во время революций люди сходятся на площадях, и вздумают: «Может быть, и нам бы на площадь?» – и согласятся сойтись на площадь. А как опять это администрировать, чтобы сойтись на площадь, даже и об этом не было ни у кого ни малейшего понятия.

Все, что умели делать тогдашние революционеры, заключалось разве в том, чтобы, едучи с извозчиком, наговорить ему, сколь много стоит армия или чего стоят дворцы; или же дать солдатику почитать «Колокол». Больше же никто ничего не умел делать, чем вполне и объясняется, что в романах и повестях, где выводились люди, устраивающие революцию, глухо говорилось, что люди эти *поехали делать предприятие*, а как это «предприятие» надо делать? – того никто не знал. Гораздо спустя, только уже у позднейших, далее развившихся писателей встречаем, что *предприниматели* шныряют по городам, сидят где-то в слободках и все пишут до бела света, но и эти позднейшие писатели все-таки опять не могли придумать, что такое именно пишут их предприниматели, и оттого эти герои их опытному человеку всего более напоминали собою нарочных чиновников, секретно поверяющих ревизские сказки. Артур же Бенни, несмотря на свои юные годы, был в революционных делах человек если не очень опытный, то, по крайней мере, наслышанный и начитанный: он видал в Лондоне избраннейших революционеров всех стран и теоретически знал, как у людей распочинают революции и что для этого нужно. Первое, что он присоветовал своим новым политическим друзьям (Н. Курочкину, В. Якушкину и С. Громеко), заключалось в том, чтобы они пробовали от времени до времени делать примерные «маневры». Его долго уверяли, что этого вовсе не надо, что у нас это все делается без всяких планов и маневров; но он, однако, упросил сделать распоряжение, чтобы в назначенный день и час все люди, преданные в Петербурге делу революции и готовые к ней, прошли по одной из известных петербургских площадей. Над этим смеялись, находя все это совершенно ненужным; уверяли, что у нас и на козла

посмотреть тысячи народу собирается; но, однако, из снисхождения к прихоти англичанина сделали для него распоряжение о маневрах.

«Англичанин, да эксцентрик, – пусть-де его тешится!»

Ни одному из хитрых людей, недоумевавших, зачем нужен Бенни этот смотр, и в голову не бросилось, что англичанин не прихотничает, а просто хочет поверить самих их, революционеров.

Сколько мол их? Не лгут ли они?

Маневры были назначены, и на них явилось *три* человека по инфантерии (в том числе Громека) и *два* на извозчике, чтобы легче удирать (они-таки, поворотив, и далеко удрали, но *в гору*, а не под гору, куда скатился злополучный эmissар, производивший им смотр, стоя у магазина Дациаро). Бенни пересчитал всех пятерых храбрецов, рискнувших пройти и проехаться, и нашел, что наличная петербургская революционная армия еще не довольно сильна, чтобы вступать в открытый бой с императорскими войсками, и притом довольно плохо дисциплинирована. Бенни понял, что хозяева его лгут, что в Петербурге по революцию еще и кони неседланы и что все, что в Лондоне и здесь рассказывают о близости революции в России, есть или легкомысленный обман, или злостная ложь.

После этого смотра, или этих маневров, и Бенни, и те, кто должен был репрезентовать чужеземному революционеру домашние русские революционные силы, внезапно почувствовали, что им стало не совсем ловко смотреть в глаза друг другу.

Неудачность маневров старались приписать тому, что Бенни новое лицо и что ему не все доверяются; Бенни показал, что он этому верит; но он прекрасно понимал, что это одна увертка. Теперь он, при всей своей детской доверчивости, видел уже и то, что люди, бредящие в Петербурге революцией, совсем люди не того закала, какой требуется для революций, и отписал об этом со всею искренностью, кому находил нужным, в Лондон. По поводу писем, в которых все это было описано и которых недаром имели основание бояться здешние революционеры, произошла история. Бенни долго выжидал случая отправить эти письма с благонадежным человеком. Здешние революционеры навязчиво предлагали ему свои услуги для отправки этих писем: им хотелось или совсем удержать их у себя, или, по крайней мере, подпечатать их и прочесть. Бенни очень легко предвидел эту хитрость. Он принял эти услуги, но не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы только испытать людей, с которыми ему довелось иметь дело. Он отослал свои письма в Лондон с знакомым ему английским шкипером, а написал два другие малозначащие письма для передачи его родственникам, и эти-то два письма и вручил своим петербургским друзьям (Н. Курочкину и Ничипоренко), которые вызывались переслать его корреспонденцию через верные руки в Лондон. Петербургские политические друзья играли с Бенни, а он играл с ними. Искренности, нужной для согласных действий, между ними уже не было никакой; они уже с этих же первых дней боялись друг друга и друг с другом хитрили. Питерцы чувствовали, что они взаправду совсем не революционеры и что Бенни, пожалуй, все это заметил в них и отписал об этом, и потому они хлопотали захватить в свои руки его письма. Дескать: «Распечатаем их, прочтем и тогда сами предупредим его и *его опишем* как нельзя лучше». Бенни же, читая насквозь этих дипломатов, с таинственнейшим видом вручил им, в одном большом пакете, письма, содержание которых резюмировалось фразой: «Кланяйтесь бабушке и поцелуйте ручку».

Глава десятая

Между тем, чтобы не терять попусту своего времени в Петербурге, Артур Бенни пожелал проехаться по России. Он хотел посмотреть, что за народ сидит там, в глубинах русских трущоб, и посчитаться, с кем там придется вести дело, если бы затеялась революция. На это петербургские предприниматели говорили Артуру Бенни, что в провинциях статья эта уже давно обработана, что Поволжье готово все встать как один человек и что в Петербурге есть такие знатоки русского мира, которые *«всё знают»*; но Бенни уже не верил своим политическим друзьям и все-таки собирался на ярмарку, в Нижний Новгород. Видя его непреклонность, с ним перестали спорить, но для сопровождения его и для руководства его в ознакомлении с страной снарядили того же юркого и чрезвычайно в то время популярного акцизного чиновника Андрея Ничипоренко. Этот молодой человек, имя которого нам уже приходилось вспоминать выше, в то время в некоторых петербургских кружках пользовался славой первого русского революционера. Особенно он был силен у низших и высших чиновников некоторых канцелярий, где сидели наилучшие герценовские корреспонденты из Петербурга, которых этот Ничипоренко всех потом и перепутал. Он-то, сей самый Ничипоренко, и был избран ментором к молодому, неопытному и восторженному Телемаку. Их снабдили рекомендациями (даже П. И. Мельников в этом участвовал), и даны были наставления: как, куда ехать, с кем повидаться, к чему прислушаться. Кроме того, им даны были и особые поручения привезти сюда с ярмарки по оказии некоторые мелочи: кому кальян, кому кавказского вина, кому другие подобные хозяйственные безделушки. Забыли им дать только одного — денег, но зато им было внушено, что они могут отлично ездить и без денег, зарабатывая все нужное на путевые издержки корреспонденциями, которые здешние друзья их взялись пристраивать в газеты. Ничипоренко сразу и сам убедился, что это действительно очень легко, и умел в этом убедить и Артура Бенни. Ментор и Телемак забрали в саквояжи необходимые письменные принадлежности, сели в Петербурге в третьеклассный вагон Николаевской железной дороги и поехали путешествовать по России и *«устраивать предприятие»*. Некий театральный человек сказал им комическое благословение, которое, может быть, их и сопровождало...

Глава одиннадцатая

Эта поездка Бенни с чиновником Ничипоренко, сколько известно, была первым действительным *«предприятием»*, совершенным лет за пять до того, как начали ни на что не похоже описывать подобные предприятия в вялых и неинтересных повестях и романах.

Едучи с недалеким, болезненным, чахлым и до противности неопрятным чиновником Ничипоренко, Бенин немного нужно было, чтобы разгадать своего ментора. До Твери Бенни уже составил себе ясное понятие, что спутник его крайняя ограниченность и несет белиберду. Остановившись по дороге в Твери, где им следовало сесть на пароход, они уже немножко поссорились. В маленьком трактирчике, где они пристали, Ничипоренко, строго взыскивая с трактирного мальчика за какую-то неисправность, толкнул его и обругал словом, которое Бенни понимал и которого не мог слышать.

Бенин показалось ужасным такое обращение со стороны человека, который ехал «сходиться с народом», и у них произошла сцена. Бенни настоятельно потребовал, чтобы Ничипоренко или тотчас же извинился перед трактирным мальчиком и дал слово, что вперед подобного обращения ни с кем из простолюдинов в присутствии Бенни не допустит, или оставил бы его, Бенни, одного и ехал, куда ему угодно.

Бенни поставил Ничипоренко свои условия с такою решимостию, что тот сразу увидел себя в совершенной необходимости на которое-нибудь из них решиться. Ехать назад одному, ничего не сделавши для «предприятия» и притом не имея что и рассказать о том, за что он прогнан, Ничипоренко находил невозможным, и он извинился перед мальчишкою и дал Бенни требуемое этим последним слово воздержаться вперед и от драчливости, и от брани.

За сим эмиссары снова поехали далее уже не по сухому пути, а по Волге.

Ничипоренко, кажется, вовсе не понимал всего значения сделанной им уступки требованиям Бенни: он не предвидел, что после нее он уже не может иметь никакой менторской власти над своим возмущившимся Телемаком и что он из руководителя и наставника вдруг, ничего не видя, сошел на позицию школяра, которого дерут за уши.

Глава двенадцатая

В Нижний Новгород у Бенни и Ничипоренко было (от П. И. Мельникова) письмо в один хороший семейный дом, хотя и не имевший никаких прямых связей с предприимчивою партией, но весьма интересный для знакомства. Хозяин этого дома был молодой человек, чиновник с родовыми связями и хорошо открытой карьерой. В то время этот господин всего года три как был женат на молодой девушке, тоже из очень хорошего семейства. Молодые хозяева приняли рекомендованных им из Петербурга гостей дружественно и радушно, — сделали для них обед и пригласили к этому обеду нескольких своих знакомых, мужчин и дам. Ничипоренко уже успел шепнуть всем по секрету, что сопровождаемый им человек, Артур Бенни, есть «герценовский эмиссар», с которым они едут «делать предприятие», и все, кому это было сказано, разумеется, спешили, как на чудо, посмотреть на герценовского эмиссара. Ничипоренко, показывая Бенни любопытным нижегородцам, был, однако, не совсем им доволен: он находил, что его эмиссар не так себя держит, как бы следовало, что он «сентиментальничает», что это в нем отзывается английская рутина и что он, Ничипоренко, должен показать Бенни, как следует вести себя с провинциалами для того, чтобы производить на них надлежащее впечатление. Ничипоренко приготовился блеснуть своим вольномыслием перед собравшимся к обеду провинциальным обществом. За обедом к этому представился и удобный случай. Дамы, беседуя с Бенни (которого дамы и полицейские всегда неотразимо принимали за настоящего англичанина), говорили комплименты английским нравам и хвалили чистоту идей, проводимых в большинстве английских романов.

— Там никогда не позволяют себе издеваться над семейными привязанностями и над браком, — сказала одна дама.

— Это совершенно справедливо, — отвечал Бенни, — хотя брак уважается повсюду, но в Англии особенно крепки и семейные связи, и семейные предания.

Ничипоренко нашел этот момент отменно удобным, чтобы зараз и проучить Бенни, «чтобы он не подличал», и в то же время показать, как людям их звания следует направлять в обществе такие разговоры. Со всем свойственным ему петербургским вольномыслием того простодушного времени Ничипоренко объявил во всеуслышание, что брак совсем не пользуется повсеместным уважением и что у нас, у первых, есть раскольники, которые не признают брака, ибо брак есть — просто вредная глупость.

Имея в виду, что такое суровое осуждение брака было произнесено в присутствии замужней хозяйки и многих присутствовавших здесь замужних дам, некоторая почтенная пожилая дама, родственница хозяев, заметила Ничипоренко, что ему так при семейных людях рассуждать не годится, что она и сама венчалась и дочерей замуж выдавала, но никакой вредной глупости в этом не видит.

— Да кто же видит свои глупости! — отвечал развязный Ничипоренко.

— Хотела бы вам, батюшка, отвечать, что, слушая вас, я готова поверить, что действительно бывают люди, неспособные видеть свои глупости; но скажу вам только, что вы большой невежа.

— А вы меня небось этим хотите сконфузить? — отвечал, рассмеявшись, Ничипоренко и, махнув рукою, добавил, — нам мало дела до того, что о нас думает подгнивающее поколение! А что касается до ваших дочерей, которых вы выдали замуж, так мы еще не знаем, чем это окончится. Если спросить женщин по совести, то каждая из них предпочитает временные свободные отношения вековечным брачным.

— Вы должны выйти вон! Сейчас вон! — вскрикнула, вся побагровев, старушка и, быстро отодвинув свое кресло, встала из-за стола.

Обед и дальнейшее гостевание в этом доме были расстроены самым неожиданным и самым печальным образом; а вместе с тем печальная история эта должна была отразиться и на самом предприятии. Эмиссары рассчитывали получить в этом нижегородском доме рекомендательные письма в Казань, в Астрахань и в Саратов, и им уже были и обещаны эти рекомендации; но как же после этого, устроенного Ничипоренком, скандала заикаться напоминать об этом обещании?

Ничипоренко еще уверял опечаленного Бенни, что это не значит ничего, что у нас, в России, теперь молодые за старых не стоят; но Бенни считал дело проигранным и ни за что не согласился просить писем.

— Мало того, что их нельзя просить, но если бы мне их и дали, то я их теперь не возьму, — решил он Ничипоренке.

Ничипоренко только пожал плечами и отвечал:

— Ну, этак, батюшка мой, с такими тонкостями вы в России ничего не сделаете.

Бенни ему не отвечал.

Агитаторы оба взаимно были друг другом недовольны, и оба были не в духе. Для первого шага у них уже было довольно неудач. Ничипоренко, однако, первый нашелся, как ему выйти из такого неприятного положения. Сидя после этого обеда в трактирном номере у окна, в которое ярко светило спускавшееся к закату солнце и в которое врывался шум и гром с заречья, где кипела ярмарка, Ничипоренко несколько раз озираясь на своего унылого и поникшего головою партнера и, наконец, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.